

Научная статья

УДК 821.111(73).0

DOI 10.17223/18137083/89/10

**Кемеровский текст на перекрестке двух утопий:
американская мечта и коммунистический интернационал
в повести Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль.
Приключения американского мальчика в Кемерове:
сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера,
1922–1924»**

Наталья Валерьевна Налегач

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

nalegach@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одного из первых художественных воплощений образа города Кемерово в повести для детей видной представительницы АИК «Кузбасс» Рут Эпперсон Кеннелл «Товарищ Костыль». Предпринятый анализ системы персонажей, антинормы «свои» – «чужие» и ее преодоления в развитии сюжетобразующего мотива дружбы русского беспризорника Володи и американского мальчика Дэвида, символических образов Сибири и Советского Союза как «новейшего Нового Света», фактической подосновы, связанной с реальной историей становления и развития города Кемерово, основных сюжетных ситуаций, позволяет объективно изучить авторское представление о построении нового мира, характеристики которого строятся на сочетании двух утопий – американской мечты, опирающейся на широкое понимание христианства, и программы Коминтерна.

Ключевые слова

АИК «Кузбасс», сибирский текст, детская литература, новый мир, Эрнита

Для цитирования

Налегач Н. В. Кемеровский текст на перекрестке двух утопий: американская мечта и коммунистический интернационал в повести Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 126–138. DOI 10.17223/18137083/89/10

© Налегач Н. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 126–138

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 126–138

**Kemerovo text at the crossroads of two utopias:
The American dream and the communist international
in the story by R. E. Kennel “Comrade One-Crutch.
The Adventures of an American Boy in Kemerovo:
The Siberian Chronicle of the Life of Young David Plummer,
1922–1924”**

Natalya V. Nalegach

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

nalegach@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>

Abstract

The article is devoted to the consideration of one of the first artistic incarnations of the image of the city of Kemerovo in the story for children by a prominent representative of the AIC “Kuzbas” Ruth Epperson Kennel “Comrade One-Crutch” (1932). The main focus is on the myth-making strategy used to depict AIC “Kuzbas” and its “capital” Kemerovo. The study analyzes the character system and the antinomy of “us” versus “strangers,” exploring its resolution through the plot-driven theme of friendship between Volodya, a Russian street child, and David, an American boy. Also, attention is paid to symbolic images of Siberia and the Soviet Union as the “newest New World,” the factual basis associated with the real history of the formation and development of the city of Kemerovo (technical equipment of the Kemerovo mine, launch of the Coke and Chemical Plant, electrification of the village of Silino near Kemerovo, expansion of the AIC “Kuzbas” and development of the Kolchuginskoye deposit, and others). This analysis of the main plot situations reveals the author’s idea of building a new world, the characteristics of which are based on a combination of two utopias: the American dream, based on a broad understanding of Christianity, and the program of the Comintern. The genre of the story for children and the idea of international friendship emphasized by Ruth Kennel in the dedication to Alice Grover Whitbeck, updated as the address of the book “about the new Russia for American boys and girls,” are organically combined with the value-labeled orientation towards building a new world.

Keywords

AIC “Kuzbas”, Siberian text, children’s literature, new world, Ernita

For citation

Nalegach N. V. Kemerovo text at the crossroads of two utopias: The American dream and the communist international in the story by R. E. Kennel “Comrade One-Crutch. The Adventures of an American Boy in Kemerovo: The Siberian Chronicle of the Life of Young David Plummer, 1922–1924”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 126–138. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/10

Кемеровский текст является элементом сибирского. Его уникальные черты обусловлены спецификой историко-культурного развития региона. Одной из таких особенностей стала деятельность в 1920-х гг. международной автономной индустриальной колонии «Кузбасс», получившая отражение сначала в американской (Р. Э. Кеннел¹, Т. Драйзер²), а затем и в современной русской литературе

¹ Кеннел Р. Э. Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924 / Иллюстрации М. Перц, фотоиллюстрации; пер. с англ. С. Сафронова, В. Сухацкого. Кемерово: АРФ, 2008. 176 с.

и публицистике (Н. Козько, Е. Кривошеева³, Е. И. Тюшина⁴, Г. Е. Юров⁵ и др.). Особое место в этом ряду занимает повесть Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль», автор которой была библиотекарем в АИК «Кузбасс». После возвращения в США она использовала материалы личного дневника, который вела, находясь в Сибири, для создания повести для детей.

Впервые книга была опубликована в Нью-Йорке в 1932 г., а на русский язык полностью переведена С. Сафроновым и В. Сухацким в 2007 г. и издана в том же году. Отдельные фрагменты этой повести в переводе на русский язык Н. Козько и Е. Кривошеевой вошли в состав их научно-популярной книги «Загадка Эрниты», впервые опубликованной в 1979 г. и переизданной в 1990 г. Так как ее авторы привлекали фрагменты повести для характеристики жизни колонистов и Р. Кеннелл, с которой состояли в переписке в период работы над книгой, она отчасти приобретает характер историко-культурного и биографического комментария к повести американской писательницы. Так, Н. Козько и Е. Кривошеева приводят показательный фрагмент письма Р. Кеннелл к ее подруге М. Кальверт, из которого видно, что та написала не столько приключенческую повесть для детей, сколько книгу о городе: «Моя книга для детей “Товарищ Костыль” является рассказом о Кемерово» (Козько, Кривошеева, с. 170). В научном освещении «Товарищ Костыль» лишь упоминается в работах Я. Н. Засурского [1977] и О. Ю. Пановой [2017; 2021] для характеристики биографии Р. Кеннелл в контексте рассмотрения рассказа «Эрнита» Т. Драйзера, прототипом главной героини которого стала Р. Кеннелл.

В контексте рассмотрения особенностей кемеровского текста повесть «Товарищ Костыль» приобретает особую ценность, поскольку в ней содержится один из первых художественно воплощенных образов города, чем и обусловлено обращение к интерпретации ее русского перевода. Создавая образ Сибири и характеризуя деятельность колонистов, Р. Кеннелл изображает художественный мир, в котором соединяются документальность и воображение, а поступки героев коррелируют с двумя противоположными утопическими стратегиями, которые автор интуитивно объединяет за счет мотива построения нового мира всеобщего счастья. Одна из них обусловлена идеями Коминтерна (решение о создании АИК «Кузбасс» стало следствием III Конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г.), другая несет на себе отпечаток того, что принято называть американской мечтой (основу международной индустриальной колонии «Кузбасс», собравшей выходцев из 54 стран, составили американцы, объединившие в своем сознании высказанную С. Рутгерсом идею рабочей колонизации первого пролетарского государства с изначальными для

Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

² Драйзер Т. Эрнита (пер. В. Станевич) // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1986. Т. 12: Рассказы. Статьи и выступления. С. 46–87. Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

³ Козько Н., Кривошеева Е. Загадка Эрниты. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1990. 176 с. Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

⁴ Тюшина Е. И. Секретный код Горелой горы: Повесть для детей. Кемерово: Муниципальная информационно-библиотечная система, 2021. 68 с.

⁵ Юров Г. Е. Заповедное пространство. Стихотворения, поэмы, разыскания. Кемерово, 2012. 484 с.

США идеями основания Нового света в колонизированном пространстве). Идеи Коминтерна изложены в его манифесте 1919 г.⁶, в связи с чем при обнаружении этой утопии в тексте писательницы мы будем ориентироваться на него. Что касается литературных инвариантов, границ и трансформаций американской мечты, методологически значимыми в статье стали работы современных исследователей [Бондарева, 2013; Коршунова, 2017; Рабеев, Чугунов, 2018]. Обычно эти идеи принято противопоставлять, чему способствует текст Манифеста Коминтерна, противопоставляющий интернационал идеям национального государства, однако в тексте американской колонистки они удивительным образом соединились. Рассмотрению этого синтеза, а также его художественного функционирования в анализируемом произведении и посвящена предлагаемая работа, актуальность которой обусловлена ростом историко-культурных [Кушникова, Тогулев, 2001; Неизвестный Кемерово..., 2010] и филологических исследований [Ащеулова, 2018; Прохорова, 2022; Рабкина, 2018] кемеровского текста в последние десятилетия. Новизна предпринятого исследования состоит в обращении к не привлекавшему до сих пор внимания одному из первых художественных оформлений образа города Кемерово, а также к самому феномену кемеровского текста, который на фоне других сибирских городов изучен в меньшей степени. Так, в статье [Богумил, 2023], посвященной семиотике сибирских городов, он даже не упоминается, хотя кузнецкий текст и Новокузнецк в этом систематическом обзоре присутствуют.

Как и другие работы, посвященные городскому тексту, исследование выполнено в рамках комплексной методологии, сочетающей методы структурно-семиотического и историко-культурного подходов с подключением мифопоэтического анализа текста, выработанной основоположниками изучения городских текстов в отечественной литературоведческой традиции [Лотман, 1984; Топоров, 1995], а также была актуализирована и для исследований сибирского текста [Тюпа, 2002]. Обращение в процессе интерпретации повести Р. Кеннелл к историко-культурному и биографическому комментированию отдельных деталей и ситуаций обусловлено интересом писательницы к «литературе факта», связанной не только с деятельностью левовцев, со многими из которых она была лично знакома, о чем свидетельствует ее переписка с Т. Драйзером, но и с проникновением этой стратегии в изображение жизни Новой Сибири, в журналистике связанного с деятельностью АИК «Кузбасс» Новосибирска [Васильев, 2021; Капинос, 2016]. В этой связи следует также отметить, что в литературу Р. Кеннелл пришла из журналистики.

Идеалы Коминтерна в художественном отражении повести Р. Кеннелл

Сюжет повести строится на преодолении трудностей и столкновении мечты и реальности, чему немало способствуют приемы контраста и мотивы недоверия, рождающиеся из противопоставления своего и чужого, а также сопротивления носителей прежнего уклада жизни устремлениям колонистов. Эта антиномия за-

⁶ Коммунистический Интернационал. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира. М., 1919. 14 с. // Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/53862-kommunisticheskii-internatsional-locale-nil-manifest-kommunisticheskogo-internatsionala-k-proletariyam-vsego-mira-locale-nil-m-1919-kommunisticheskaya-biblioteka-locale-nil-5> (дата обращения 20.11.2023).

дана

в повести с самого начала и как несовпадение ожиданий Дэвида с тем, как их встретили в России, и в том недоверии и равнодушии, с которым к ним отнеслись в иммиграционной службе в Кронштадте, и в тех сложностях с первой ночевкой после сошествия на берег, и в ряде других деталей. По мере развития сюжета противоречия нарастают, особенно они обостряются в главе «Майский праздник и трагедия на реке», однако параллельно с ростом напряжения, достигающего кульминации в ситуации интриг русских инженеров, оставшихся еще со времен Копикуза, против колонистов; появляется и другая линия, в которой воплощается идея дружбы, взаимовыручки, понимания, возникшего на основе реализации общей мечты об индустриализации Сибири. Несмотря на все интриги и диверсии, колонисты запускают Коксохим, два подростка – Володя и Дэвид – находят общий язык, преодолевая взаимное недоверие, и становятся друзьями, в результате чего они разоблачают убийцу мельника. При этом сближение двух мальчишек оказывается основанным на реализации в их поступках идеалов Коминтерна.

С самого начала в текст повести вводится документальный факт о целях создания индустриальной колонии, полностью совпадающий с историческим решением III Конгресса Коммунистического Интернационала и реализованный через видение вымышленного главного героя, мальчика Дэвида, чей отец «...Уильям Джей Пламмер, горный инженер, подписавший с советским правительством двухлетний контракт, привез в Россию 150 американцев, чтобы помочь русским восстановить промышленность в Сибири» (Кеннелл, с. 8). Так в повести задается мотив дружбы, в основе которой общая идея построения нового мира.

В этой связи закономерно, что в третьей главе под названием «Новый дом» своего рода сюжетным предсказанием этой дружбы становится реакция первого директора АИК Билла Хейвуда (реальное историческое лицо, лидер американского рабочего движения «Индустриальные рабочие мира», который с 1921 г. жил в СССР, с 1922 г. стал директором АИК «Кузбасс», через несколько месяцев был переведен в Москву, где жил до самой смерти в 1928 г.) на приезд колонистов с искалеченным Володей: «Заметив, что родители Дэвида укладывают на носилки раненого мальчика, чтобы отправить его в больницу, Большой Билл подбежал к Пламмерам и ужаснулся, когда те рассказали ему историю о том, что произошло в пути.

– Вот чертенок! – пробормотал он про себя. – Но мы сделаем так, что колония станет ему родным домом...» (Кеннелл, с. 21). И первым знаком того, что он стал своим в этом новом доме, явился символический подарок – костыль с именной надписью, вручение которого обернулось и новым именованием, которое через реакцию Володи объединило его образ с образом Билла Хейвуда, по чьей инициативе он и получил этот подарок и новое имя: «Володя озорно посмотрел на крепкого, закаленного в забастовках, американского воина и повторил: “Товарищ One-Crutch”. Похоже, это имя ему понравилось. Он дотронулся до своего глаза, потом перевел палец на Большого Билла и лукаво добавил: “Товарищ Одноглазый”» (Кеннелл, с. 33). Именно дружба с участником Коминтерна и сделала Володю по-настоящему своим в глазах колонистов, а самому русскому беспризорнику дала возможность проникнуться доверием, пусть и не сразу, к американцам. В текст повести для детей постепенно вводится ключевой идеал этого движения, нашедший выражение в знаменитом лозунге о необходимости пролетариев всех стран объединиться для того, чтобы построить новый мир социальной справедливости. Закономерно, что впоследствии Володя сыграет решающую роль в противостоя-

нии колонистов старорежимному инженеру Мицкевичу. Этот сюжетобразующий мотив тоже станет следствием значимости для писательницы идеи классовой борьбы, на которой основана вся программа Интернационала.

Тем не менее на первый план в повести выходит идея международной солидарности рабочих, поддерживаемая развитием темы дружбы русского и американского мальчиков, любви американского колониста Джона Эллисона и дочери сибирского мельника, ставшей секретарем в конторе АИК, Веры Николаевны. Акцент на созидание, преодоление трудностей, победы над врагом как успешного строительства и запуска шахт и предприятий неразрывно связано с тем, что Р. Кеннелл перед отправлением в Сибирь была активисткой «Интернациональных рабочих мира», а не Коммунистической партии США, в связи с чем в ее взглядах того периода органично соединились идеи социализма и того, что принято называть Великой американской мечтой.

Идеалы американской мечты в художественном отражении повести Р. Кеннелл

Раскрытие характера Дэвида, обустройство семьи Пламмеров в Кемерове заставляют предположить, что помимо идеалов Интернационала в авторской аксиологии значимую роль играет комплекс представлений, который составляет основу американской мечты не в современном ее звучании с акцентом на материальное благополучие, а в тех ориентирах, что были заданы отцами-основателями США и нашли выражение не только в их публицистических статьях, дневниках, письмах, но и в Декларации Независимости 1776 г. В основе этой утопии, как подчеркивает Е. С. Коршунова с опорой на размышления Р. У. Эмерсона, образ человека, который «сделал себя сам». Закономерно, что в одном из первых систематических трудов, обобщивших и сформулировавших идеалы «американской мечты», книге Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки» (1931) звучит мысль об обществе равных возможностей, где человек достигает счастья, опираясь на свои природные способности, а само общество организовано так, что максимально способствует саморазвитию каждого человека (это очень напоминает социалистический лозунг: «От каждого по способностям – каждому по труду»). При таком подходе материальное благополучие является не целью, а следствием американской мечты, которая в изводе Адамса становится инвариантом реализации идеала свободы в обществе.

Примечательно, что книга Адамса выходит за год до издания повести Р. Кеннелл, создавая тот духовно-интеллектуальный контекст, в котором появилась повесть для детей вернувшейся в США из России колонистки. Еще одна черта, характеризующая авторский кругозор, знакомство Р. Кеннелл с Т. Драйзером. Именно она сопровождала его в 1927 г. в путешествии по СССР, выполняя функции секретаря и переводчика, так как на момент его прибытия работала библиотекарем Коминтерна в Москве и корреспондентом американского журнала «The Nation». За самовольное путешествие с Драйзером она была уволена с этой должности по возвращении в Москву, что стало одной из причин ее возвращения в Америку. В этом контексте символично выглядит ее конфликт с О. Д. Каменевой и С. П. Тривасом (представителями ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей), организации, по линии которой Драйзер прибыл в СССР). Суть их претензий к Р. Кеннелл как раз и состояла в том, что она слишком американка, не советская женщина: «Т[ривас] спросил В[уда], правда ли, что я работаю у него,

и сказал: “Она отличный переводчик, но, видите ли, она американка, и не может понять нашу советскую точку зрения...”» (из письма Р. Кеннелл Т. Драйзеру от 08.02.1928)⁷ (Кеннелл, с. 328). Именно она является прототипом главной героини его повести «Эрнита», часть событий которой разворачивается в АИК «Кузбасс». Примечательна реплика Эрниты, которой заканчивается рассказ: «И потом, как Эрнита с улыбкой мужественно заявила мне однажды: “В годы моей юности и фанатизма мне казалось, что коммунизм может и должен изменить самую природу человека – сделать его лучше, добрее, развить в нем братские чувства к людям. Теперь я не уверена, что это так. Но во всяком случае коммунистическое учение может привести к созданию более совершенного общественного строя, и ради такой цели я всегда готова работать”» (Драйзер, с. 87). В этой фразе есть выход за пределы ценностного поля идеалов Интернационала, как нам думается, к позитивному ядру американской мечты, трагическую деконструкцию и перерождение которой в реальности США констатировали оба писателя, но идеалами которой они не могли не вдохновляться, как Адамс.

Наконец, следует упомянуть в качестве важного прецедентного текста, который мог оказать влияние на принцип синтеза двух идеологических интенций в произведении Рут Кеннелл, книгу Уильяма Монтгомери Брауна «Коммунизм и христианство»⁸, которая была опубликована в 1920 г., а часть денег от ее продажи «красный епископ», как его прозвали современники, передал в 1921 г. Герберту Кальверту, представителю АИК «Кузбасс» в США, на развитие сибирской колонии. Символически подзаголовок его книги: «Гоните богов с небес и капиталистов с земли!» В нем еще раз подчеркивается фундаментальная мысль о том, что человек своими руками, опираясь на идеалы христианства, которое мыслится как основа коммунизма, противопоставленная капитализму как царству Дьявола, может создать рай на земле. Более того, в заключение книги У. М. Браун, отлученный через несколько лет за свои взгляды, изложенные в этой книге, от методистской церкви и вошедший в старокатолическую, формулирует тезис о том, что в России объединенное братство рабочих, вдохновленное идеями марксизма, строит подлинное христианство. И хотя в книге Брауна речь не идет об американской мечте, но сам ее идеологический посыл, основанный на критике старого сложившегося уклада, опирающегося на искаженную в угоду правящим силам религию, и стремление ее очистить, вернув к истокам первохристианства, коррелирует с пафосом идеи Нового Света американских первооселенцев.

О том, что в сознании колонистов присутствовали идеалы Нового Света как ориентира их деятельности, свидетельствует и письмо С. Рутгерса к Р. Кеннелл, когда она уже находилась в Москве, от 31 июля 1927 г, времени подведения итогов, поскольку АИК «Кузбасс» официально была реорганизована 1 октября 1927 г. в Государственный трест объединения каменноугольной, металлургической и химической промышленности (Кузбасс-уголь), формально реорганизация состоялась еще в январе: «Дорогая Рут! Значит, у меня есть возможность встретиться с Вами в Старом свете или, наоборот, в самом Новом. Я боялся, что вы уже сбежали в США» (Козько, Кривошеева, с. 123).

⁷ Переписка Р. Кеннелл с Т. Драйзером за 1928–1929 гг. приводится здесь и далее по публикации О. Ю. Пановой [2021, с. 317–423] с указанием автора письма и страницы.

⁸ *Brown W. M. Communism and Christianity. Ohio, 1920 // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/communismchristi00browiala/page/n1/mode/2up> (дата обращения 20.11.2023).*

О наличии в тексте Р. Кеннелл элементов американской мечты свидетельствует не столько национальная принадлежность колонистов, сколько то, как они воспринимают пространство Сибири и свою роль в его преобразовании. Показателен разговор Дэвида с матерью, когда он увидел засыпанные снегом землянки и задался вопросом, почему люди в них живут: «Потому что они очень бедные, сынок. Пока жить в Сибири тяжело. Только сейчас здесь начинается промышленное освоение. Представь, это как Америка в эпоху Колумба, только Сибирь, конечно, более развита. Надо немножко подождать, и тогда все увидят, на что способны американцы!» (Кеннелл, с. 52–53). В этом ответе миссис Пламмер, работавшей медсестрой, можно видеть прямое соотнесение миссии колонистов АИК «Кузбасс» с тем, как виделся проект создания Нового Света европейским колонистам в Северной Америке.

Здесь прогрессорство соотнесено с идеалами гуманизма, которые опираются на христианскую традицию. Христианская подоплека происходящего дана не напрямую, а через название главы «Первое Рождество» и кругозор мальчика, который сожалеет, что праздник может пройти незамеченным из-за новых ценностей Советской России и трудностей жизни колонистов. Важно, что это именно Рождество – праздник воплощения Бога в человеческом естестве, намечающий в идейном плане один из изводов этого события – возможность человека выстроить свой путь к Богу через земной успех, как это транслируется в американской мечте в размышлениях отцов-основателей. Встреча Рождества всё же состоялась по инициативе миссис Пламмер, и колонисты, отодвинув в сторону свои тяготы, собрались вокруг рождественской елки с подарками. Символичной деталью становится участие в этом празднике Володи и его неосознанная реакция на наряженную ель: «Гости были уже в сборе, и горели свечи, когда в комнату вошел Володя. В изумлении он уставился на дерево и испуганно перекрестился, словно в этот момент вспомнил что-то из уже забытого детства. Никто не рассмеялся» (Кеннелл, с. 54). Примечательно, что именно в этой главе завязываются основные коллизии, которые впоследствии позволят развернуться авантюрному сюжету, главную роль в котором при обличении преступника и восстановлении справедливости сыграют подружившиеся Дэвид и Володя.

В свете актуализации американской мечты через рождественские мотивы не менее символично название следующей главы – «Американцы берут всё в свои руки». Первым фактом преобразования реальности стало упразднение раздутой бюрократической машины, которую создали русские начальники, чтобы не дать американским колонистам реализовать свои проекты. Так, не выдержавший бюрократической волокиты Джим Блэк, уезжая на родину, говорит мальчику на прощание: «Всё дело в русских начальниках, которые и сами не хотят работать и другим не дают. Чтобы спасти свою шкуру, они хотят избавиться от нас» (Кеннелл, с. 57). Поэтому, когда советское правительство передало управление Кемеровским рудником американским колонистам, те первым делом навели порядок в конторе: «В свое время здесь сидела целая куча посильных, секретарш и помощников. А сейчас их почти не осталось. Вместо бюрократических ухищрений и волокиты колонисты ввели простые и понятные методы управления» (Кеннелл, с. 57). Но поединок на этом не закончился, так как на самом верхнем этаже конторы ничего не изменилось, поскольку главным инженером оставили Мицкевича. По мере развития повествования в других главах этот процесс преобразования пространства будет реализован как создание школы для детей колонистов, обучение в которой шло на английском, но и русской грамоте там тоже учили, элек-

трификация близлежащих деревень и поселков, запуск Коксохима. Следует отметить, что эти факты не являются вымыслом и отражают реальную жизнь АИК «Кузбасс», однако, будучи тонко вплетенными в основной событийный ряд, способствуют художественному воплощению в рамках поэтики жизнеподобия и требований литературы факта – тезиса о способности изменить жизнь к лучшему посредством упорного труда и веры в лучшее.

Наступление весны в главе «В Сибирь пришла весна» снова отсылает к христианскому восприятию времени, которое благодаря мотиву стечения обстоятельств становится способом характеристики истории колонистов: «Пасха в этом году была ранней и, конечно, все в поселке готовились к празднику. Так получилось, что как раз в эти дни в Кемерово наконец-то пришли посылки из Америки, которые должны были прийти к Рождеству <...> Конечно, было бы лучше получить эти гостинцы на Рождество, когда колония переживала нелегкие времена, но и сейчас они были кстати» (Кеннелл, с. 66). Как и в главе «Первое Рождество» возникает мотив единства русских и американских рабочих. Помимо единства через христианский праздник здесь изображено объединение рабочих против начальства: «Пасху отмечали все – и русские, и американцы. Понедельник после Пасхи даже в Советской России считался выходным. Но начальство колонии решило сделать его рабочим. Напрасно! Махнув рукой на антирелигиозную пропаганду, люди не вышли на работу и гуляли два дня» (Кеннелл, с. 66). Здесь же присутствует и юмористический штрих: «На здании конторы комсомольцы повесили большой транспарант с надписью: “Религия – опиум народа!” Они установили несколько электрических лампочек для подсветки плаката. Вечером перед Пасхой комсомольцы включили свет, полюбовались своей работой и пошли на всенощную в маленькую церковь, что находилась рядом с конторой у обрыва» (Кеннелл, с. 67). Комизм описанной ситуации способствует изображению мечты об объединении всех трудящихся в координатах не столько атеистической коминтерновской идеологии, сколько в системе христианских ценностей, благодаря чему развитие мотива интернациональной дружбы коррелирует с идеалами исходного варианта американской мечты: «В воскресенье Пламмеры взяли гостинцы из рождественской посылки и отправились в гости к русским друзьям» (Кеннелл, с. 67). Возвращаясь из гостей, Пламмеры неожиданно получают приглашение девочки Кати, которая работала в столовой на Руднике, и главы о Рождестве и Пасхе оказываются связаны еще одним дополнительным мотивом чуда. Оказывается, в доме Кати и ее родителей жил и Володя, никому не раскрывавший, где в городе он нашел приют. Получилось, что если в Рождество он пришел в гости к Пламмерам, то на Пасху – они к нему. И эффект неожиданности создает ощущение чуда встречи. Заодно и Володя впервые открывается с другой стороны. До сих пор юный беспризорник, ставший калекой, представал грубоватым и дерзким мальчишкой, в чьих поступках, как, например, с шапками, которые он выманил у колонистов, играя на их чувстве жалости, а потом продал на базаре, очень многое свидетельствовало о его уличном прошлом, когда ему приходилось выживать. В этом эпизоде он открывается как человек, способный на милосердие и ответственность. Он уходит от гостеприимных Пламмеров и выбирает семью, в которой не хватает средств, чтобы прокормить маленьких детей, потому что как сотрудник колонии получает американский паек, который и отдает за постой, хотя мог бы этого не делать и остаться в каменном доме, где его приняли как своего. В свете такого поступка то, что Володя перекрестился, увидев в доме Пламмеров рожде-

ственскую елку, предстает уже не случайным жестом, а характеристикой самой сути героя.

Символичен финал повести, когда семья инженера Пламмера, отработав по контракту 2 года, перед возвращением домой подарила Володе протез, благодаря чему он снова крепко встал на обе ноги и в прямом, и в переносном смысле. В той же главе мы видим возвращение к американской мечте, которая дана в сочетании с идеалами Коминтерна, только теперь уже в восприятии вернувшегося в Америку и повзрослевшего Дэвида: «Только спустя несколько лет Дэвид узнает, что вслед за АИК последует план индустриализации страны. Возникнет Урало-Кузнецкий промышленный комбинат. Во всех уголках Советского Союза появятся новые заводы и фабрики. И туда тоже приедут тысячи американцев, чтобы открыть для себя новейший Новый Свет» (Кеннелл, с. 165).

Таким образом, можно видеть, что через систему персонажей, переключку символов Нового Света и Новой Сибири Р. Кеннелл осуществляет синтез двух утопий, который ей видится как перспективная модель реального будущего. Этот синтез делал ее восприятие происходящего в России иным, нежели у ее современников, что она подчеркивала в переписке с Драйзером: «Мои старые боевые товарищи в Заливе [Сан-Франциско] стараются залучить меня для выступления, но, боюсь, что меня запишут в коммунисты, и я только распугаю публику, так что результат будет прямо противоположный тому, чего я хотела бы достичь. У моих друзей уже сложились свои убеждения, хоть и не основанные на точных фактах, и, если я расскажу им правду, они придут в ужас и решат, что я уехала отсюда “разочарованной”, – они ведь считают, что там должно быть либо всё идеально, либо всё плохо. Я от них устала. Но это касается не всех: лучшие из них не в Партии и идут в ногу со мной» (из письма Т. Драйзеру от 17.08.1928) (Кеннелл, с. 357). В основе авторского объединения обычно противопоставляемых концепций заложена общая для них идея созидания нового мира равных возможностей объединившимися людьми, преодолевшими недоверие на пути обретения счастья, которое неотделимо от плодотворного упорного труда, посредством чего утверждается прогресс как инструмент достижения справедливого общественного строя на Земле.

Список литературы

Ащеулова И. В. Образ Кемерово в повести Е. Гришковца «Реки» // Балибаловские чтения: Материалы восьмой и девятой научно-практических конференций. Кемерово, 1–31 мая 2018 г. Кемерово: Научно-методический центр, 2018. С. 137–141.

Богумил Т. А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

Бондарева Е. Е. К вопросу о зарождении понятия «American dream» – «Американская мечта» // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 5. С. 82–86.

Васильев С. С. Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7

Засурский Я. Н. Теодор Драйзер. Жизнь и творчество. М.: МГУ, 1977. 320 с.

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в Новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 138–165.

Корицунова Е. С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 22–27.

Кушникова М. М., Тогулев В. В. Красная Горка: очерки истории «американской» коммуны в Щегловске, провинциальных нравов, быта и психологии 1920–1930-х гг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 833 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664: Символика города и городской культуры. Петербург. С. 30–45. (Труды по знаковым системам; XVIII)

Неизвестный Кемерово. История американской колонии в Сибири, 1921–1926: на двух языках / авт. проекта Владимир Сухацкий; пер. на англ. С. Сафронова. Кемерово: Музей-заповедник "Красная Горка", 2010. 252 с.

Панова О. Ю. У революции женское лицо: Джулия Микенберг об американках в советской России (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 P.) // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 491–499.

Панова О. Ю. «Дорогой ТД»: переписка Рут Эпперсон-Кеннел с Теодором Драйзером (1928–1929) // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 289–423.

Рабеев С. К. Б., Чугунов Д. А. Теоретическая модель «американской мечты» в литературоведении // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 75–79.

Прохорова Л. П. Феномен прецедентности в венке сонетов «Гомская Писаница. Кемерово» Энди Крофта // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 125–139.

Рабкина Н. В. История автономной индустриальной колонии «Кузбасс» в работах иностранных исследователей: монография Джулии Л. Миккенберг «American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream» (2017) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2018. № 3. С. 49–56.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

References

Ashcheulova I. V. Obraz Kemerovo v povesti E. Grishkovtса “Reki” [The image of Kemerovo in the story “Rivers” by E. Grishkovets]. In: *Balibalovskie chteniya: materialy vos'moy i devyatoy nauchno-prakticheskikh konferentsi. Kemerovo, 1–31 maya 2018 g.* [Balibal readings: materials of the eighth and ninth scientific and practical conferences. Kemerovo, May 1–31, 2018]. Kemerovo, 2018, pp. 137–141.

Bogumil T. A. Semiotika gorodov Sibiri: tipologicheskii aspekt [Semiotics of Siberian cities: typological aspect]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 1, pp. 350–367. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

Bondareva E. E. K voprosu o zarozhdenii ponyatiya “American dream” – “Amerikanskaya mehta” [On the question of the origin of the concept “American dream” – “American Dream”]. *Fundamenta 'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty*. 2013, no. 5, pp. 82–86.

Kapinos E. V. “Literatura” i “fakt” v Novosibirskom zhurnale “Nastoyashchee” (1928–1930) [“Literature” and “fact” in the Novosibirsk magazine “Present” (1928–1930)]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*. 2016, no. 2, pp. 138–165.

Korshunova E. S. “Amerikanskaya mechta” v amerikanskoy khudozhestvennoy literature [“American Dream” in American Fiction]. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2017, no. 4, pp. 22–27.

Kushnikova M. M., Togulev V. V. *Krasnaya Gorka: ocherki istorii “amerikanskoy” kommuny v Shcheglovsk, provintsial’nykh nravov, byta i psikhologii 1920 – 1930-kh gg.* [Krasnaya Gorka: essays on the history of the “American” commune in Shcheglovsk, provincial mores, life and psychology of the 1920s – 1930s]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2001, 833 p.

Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and problems of city semiotics]. In: *Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu, 1984, iss. 664: Simvolika goroda i gorodskoy kul’tury. Peterburg [Simvolika goroda i gorodskoy kul’tury. Peterburg [Symbols of the city and urban culture. Petersburg], pp. 30–45. (Trudy po znakovym sistemam [Proceedings on sign systems]; XVIII)

Neizvestnyy Kemerovo. Istoriya amerikanskoy kolonii v Sibiri, 1921–1926: na dvukh yazykakh [The unknown Kemerovo. History of the American colony in Siberia, 1921–1926]. Vladimir Sukhatskiy (Auth.); S. Safronova (Transl. into Engl.). Kemerovo, Muzey-zapovednik “Krasnaya Gorka”, 2010, 252 p.

Panova O. Yu. “Dorogoy TD”: perepiska Rut Epperson-Kennel s Teodorom Drayzerom (1928–1929) [“Dear TD”: correspondence between Ruth Epperson-Kennel and Theodore Dreiser (1928–1929)]. *Literature of the Americas*. 2021, no. 11, pp. 289–423.

Panova O. Yu. U revolyutsii zhenskoe litso: Dzhuliya Mikenberg ob amerikankakh v sovetskoy Rossii (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 P.) [The Revolution Has a Female Face: Julia Mickenberg on American Women in Soviet Russia (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 p.)]. *Literature of the Americas*. 2017, no. 3, pp. 491–499.

Prokhorova L. P. Fenomen pretsedentnosti v venke sonetov “Tomskaya Pisanitsa. Kemerovo” Endi Krofta [Precedent Phenomena in “Tomskaya Pisanitsa Park, Kemerovo” crown of sonnets by Andy Croft]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2022, no. 3, pp. 125–139.

Rabeeakh S. K. B., Chugunov D. A. Teoreticheskaya model’ “amerikanskoy mechty” v literaturovedenii [Theoretical model of the “American Dream” in literary criticism]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2018, no. 4, pp. 75–79.

Rabkina N. V. Istoriya avtonomnoy industrial’noy kolonii “Kuzbass” v rabotakh inostrannykh issledovateley: monografiya Dzhulii L. Mickenberg “American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream” (2017) [The history of the autonomous industrial colony “Kuzbass” in the works of foreign researchers: a monograph by Julia L. Mickenberg “American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream” (2017)]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018, no. 3, pp. 49–56.

Toporov V. N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” (Vvedenie v temu) [Petersburg and the “Petersburg text of Russian literature” (Introduction to the topic)] In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, Progress-Kul’tura, 1995, pp. 259–367.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [Mythologem of Siberia: on the issue of the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2002, no. 1, pp. 27–35.

Vasil’ev S. S. Khronotop Sibiri v materialakh zhurnala “Nastoyashchee” (1928–1930) [Chronotope of Siberia in the materials of the magazine “Present” (1928–1930)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021, no. 2, pp. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7

Zasurskiy Ya. N. *Teodor Drayzer. Zhizn’ i tvorchestvo* [Theodore Dreiser. Life and art]. Moscow, MSU, 1977, 320 p.

Информация об авторе

Наталья Валерьевна Налегач, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Scopus Author ID 57395462400

WoS Researcher ID U-1472-2017

Information about the author

Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Scopus Author ID 57395462400

WoS Researcher ID U-1472-2017

Статья поступила в редакцию 23.04.2024;

одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 11.06.2024

The article was submitted on 23.04.2024;

approved after reviewing on 11.06.2024; accepted for publication on 11.06.2024